

Бай Сяньчэнь и представить не мог, что доживет до дня, когда будет дуться на самого себя из-за дурацких снов.

Утром, открыв глаза на взмокшей от холодного пота постели и смутно припомнив детали ночного видения, он почувствовал себя прескверно. Поворчав и понегодовав на судьбу, он повернул голову и снова увидел у подушки Ледяную Красавицу.

Он оставил записку, так что то, что цветок нашел дорогу к новому жилью, было вполне логично. Но Бай Сяньчэню нужно было на ком-то сорвать злость, и он бесцеремонно ткнул пальцем в лепестки:

— Эй, это ведь точно ты, да? Ты что, и правда обрела разум?

Он сказал это просто чтобы придраться, но тут же осознал пугающую истину.

Оба его сна были слишком реальными, и оба раза рядом оказывалась Ледяная Красавица.

Этот цветок он сам вынес из иллюзорного мира, и растение явно обладало способностью насыщать видения. Скорее всего, ночные кошмары – его рук дело.

«Легко было принести, да трудно избавиться...»

Впрочем, если судить объективно, хоть сон и был неприятен морально, физически он действительно облегчил страдания.

Такое трудно контролировать. Наяву Бай Сяньчэнь твердо следовал правилу не связываться с Се Уцзю, но во сне границы стирались, и он легко поддавался соблазну кошмара.

Десять лет назад он тоже часто пробовал на себе пилюли Жун Чжо, которые не несли большой опасности.

Почему Жун Чжо не пробовал их сам? Потому что за годы экспериментов он выработал иммунитет: кроме ядов, он перестал чувствовать вкус большинства обычных лекарств.

Его брат Жун Юй тоже со временем перестал подходить на роль подопытного, и Жун Чжо пришел с просьбами к Бай Сяньчэню.

Алхимик не рисковал понапрасну – он давал Бай Сяньчэню только хорошие пилюли для укрепления сил, не имевшие побочных эффектов. Ему просто нужно было знать, насколько сильно они действуют.

Бай Сяньчэнь съедал пилюлю, а через полмесяца сдавал Жун Чжо подробный «отчет о впечатлениях после приёма».

Поскольку Бай Сяньчэнь и сам разбирался в алхимии, его отчеты сопровождались дельными советами по улучшению рецептуры. Жун Чжо души не чаял в друге и еще настойчивее умолял его быть его «испытателем».

Однажды Жун Чжо переборщил с ингредиентами. Пилюля всё еще была полезной, но её мощь оказалась чрезмерной.

Вскоре после приема Бай Сяньчэнь ощутил, как внутри разгорается пожар – на этот раз его собственного пламени. Приступ случился как раз тогда, когда Се Уцзю учил его владеть мечом Отсечения Помыслов.

Заметив, что Бай Сяньчэнь вдруг согнулся, Се Уцзю решил, что тот просто ленится и притворяется, и легонько ткнул его ногами в бок.

Но не успел он произнести ни слова упрека, как ученик от этого толчка мешком повалился на землю.

Се Уцзю на мгновение замер, убеждаясь, что его не пытаются разыграть, и тут же подхватил Бай Сяньчэня на руки, чтобы отнести в комнату.

Сквозь пелену забытья Бай Сяньчэнь почувствовал, как с него снимают часть одежды. Прохладная рука коснулась запястья, затем шеи и груди.

Кожа была скользкой от пота и обжигающе горячей; огонь внутри метался, стремясь вырваться наружу. Обычно вечно мерзнувший юноша в тот раз совсем не боялся холода и сам инстинктивно прижимался к ладони Се Уцзю.

Поняв причину недуга, Се Уцзю с вздохом спросил:

— Разве можно глотать пилюли без разбора?

Сила пилюли переполнила тело Бай Сяньчэня. Ему было не до раздумий: сознание плыло, он помнил только, как рука Се Уцзю мягко погладила его по животу, после чего жар внутри него будто хлынул наружу, и ему сразу полегчало.

Даже когда боль ушла, он не перестал притворяться и со спокойной совестью всю ночь наслаждался «заботой» учителя.

Се Уцзю было лень его разоблачать.

Тогда, в полусне, Се Уцзю тоже говорил: «Будь послушным, открой рот».

Но тогда Бай Сяньчэнь послушно открывал рот и чувствовал вкус воды, которую давал ему учитель. А прошлой ночью он, повиновавшись, внезапно ощутил совсем не нежный поцелуй Се Уцзю, а потом, кажется, и его руку, которую тот подставил, чтобы Бай Сяньчэнь в агонии не прикусил язык.

Спустя столько лет содержание снов стало заметно более... взрослым.

Бай Сяньчэнь в оцепенении уставился на Ледяную Красавицу. Он всерьез опасался, что чем дольше она будет рядом, тем порочнее станут его сны. Больше оставлять её при себе нельзя.

Он вытащил из-под подушки лопань, намереваясь провести честное гадание.

Бедный компас, ставший свидетелем неопишуемой ночной сцены, окончательно заглох. Что бы ни делал Бай Сяньчэнь, артефакт висел безвольной железкой и не желал работать.

Бросив компас обратно, Бай Сяньчэнь уже собрался встать с постели, как вдруг Ледяная Красавица, до того хранившая молчание, затрепетала. Она выбросила такой холод, что едва не заморозила половину кровати. Бай Сяньчэнь бросился спасать положение:

— Прекрати сейчас же! Я холода боюсь, нельзя так! Нельзя...

Он не договорил, заметив свое отражение в ледяной корке.

«Черт! Эта пилюля заставила меня „проявиться“!»

Он тут же принялся исправлять лицо, но внезапно осознал, что уже подзабыл, как выглядит настоящий Ван Кэ. В панике поскребя затылок, он навел марафет на глазок, просто по памяти.

Закончив с маскировкой, он глянул на время и, даже не успев толком поблагодарить Красавицу, лишь легонько сжал её лепестки и бросился к выходу:

— Мне нужно отметить! Увидимся вечером!

Перед объявлением результатов все ученики должны были собраться заранее. Старейшина Старец Ста Трав не появился.

Когда Се Уцзю пришел к покоям Старца Ста Трав, он застал там Линь Цзина, который, размахивая каким-то свитком, донимал старейшину.

— Правда! Эти записи... их действительно Ван Кэ добавил!

Линь Цзин, как и обещал, решил заступиться за друга. Пораскинув мозгами, он принес ту самую книгу «Канон закалки крови свирепых демонов», которую Ван Кэ правил ночью.

Тыча пальцем в строчки, написанные другим почерком, Линь Цзин яростно доказывал, что Ван Кэ если и не гений, то уж точно самородок, хоть и с придурью. Словом – талант, и даже если он завалил первый тест, ему обязательно нужно найти какое-нибудь приличное дело в секте.

Однако Старец Ста Трав отказывался верить, что эти исправления внес Ван Кэ.

На все доводы Линь Цзина он лишь качал головой:

— Если это действительно написал он, ты хоть понимаешь, сколько всего он восстановил?

Старейшина только что внимательно изучил текст. Тот факт, что целые куски были дополнены без единой ошибки – это одно, но Ван Кэ исправил даже те места, где не хватало всего пары иероглифов, и попал в точку.

Алхимики за всю жизнь прочитывают горы книг. Насколько же хорошо нужно знать это сомнительное писание, чтобы восстановить его по памяти? Кому бы хватило досуга и знаний на такое?

Старец Ста Трав полагал, что во всей секте на это способны лишь четыре человека.

Он решил больше не ходить вокруг да около и сказал прямо:

— Скажу тебе открыто. Во всей секте дополнить этот канон без единой ошибки могут четверо: глава секты, я сам, твой старший брат Жун Чжо и...

Заметив вошедшего Се Уцзю, старейшина осекся на полуслове.

— Словом, если только с Ван Кэ не творится что-то неладное, он никогда бы такого не написал.

— Вы сказали – четверо, а назвали только троих! — не сдавался Линь Цзин. — Кто четвертый? Это же Ван Кэ и есть!

Старец Ста Трав с грустью посмотрел на юношу и тихо произнес:

— Четвертым был покойный... твой старший брат Бай Сяньчэнь.

Линь Цзина как током ударило, он опасливо покосился на вошедшего Се Уцзю. Ему очень хотелось сказать «простите, я не нарочно», но в голове вдруг всплыла другая мысль из слов старейшины:

— Ну тогда... а вдруг с Ван Кэ действительно что-то не так?

— О чем ты? — спросил Старец Ста Трав.

Линь Цзин зажестикублировал, собираясь сказать про «красоту», но вовремя вспомнил предупреждение Жун Юя и прикусил язык. Он долго мямлил, но в итоге так ничего и не выдал.

Старейшина нахмурился, его обычное добродушие сменилось суровостью:

— Если ты и впрямь своими глазами видел, как он это пишет, то дело принимает серьезный оборот.

Старец Ста Трав уже собрался встать.

Молча слушавший их Се Уцзю негромко произнес:

— Не стоит беспокоиться. В его дополнениях были ошибки, я их исправил.

Это всё объясняло.

Старец Ста Трав медленно опустил обратно, полностью удовлетворенный ответом. А вот Линь Цзин, который честно охранял библиотеку много дней и ни разу не видел, чтобы глава секты брал эту книгу в руки, окончательно запутался.

Старейшина взмахнул рукой, спрашивая Линь Цзина, но напоследок вспомнил:

— Можешь не переживать за своего друга. Первое испытание Ван Кэ прошел.

— А?! — Только и смог выдать Линь Цзин.

Старцу Ста Трав на миг показалось, что при этих словах Се Уцзю бросил на него быстрый взгляд, но когда он посмотрел в ответ, глава секты уже сидел с безучастным видом.

Подавив сомнение, старейшина добавил:

— Да. Все, кто набрал меньше него, отсеяны. Ему повезло — он прошел по самой нижней планке.

— А?! — снова воскликнул Линь Цзин.

<http://bllate.org/book/19453/1908654>